

Чжоу Цзыцянь был подлецом. Е Тао мягко утешал его, а он отвечал почти грубым поцелуем. Он совершенно не хотел слушать слова Е Тао, хотя и согласился отпустить его. В глубине души он был эгоистичен и не хотел, чтобы Е Тао отпустил эти чувства. Он даже боялся, что Е Тао оставит его в воспоминаниях без любви и ненависти, не вызывая никаких эмоций.

В последние моменты перед расставанием Е Тао дарил ему нежность и снисхождение, а он отвечал захватывающей собственнической страстью. Они страстно сплетались в доме Е Тао, занимаясь любовью с безумной интенсивностью. Он был как дикий зверь, зарывая в тело Е Тао что-то, что несло его тепло и запах, а затем, когда Е Тао был в бреду от наслаждения, требовал и уговаривал:

— Ты любишь меня? Скажи, что любишь меня... Говори...

Он слышал, как его голос дрожал, и это была печаль и отчаяние, шедшие из глубины души.

На самом деле ему не нужно было испытывать, он знал, что Е Тао любит его. Хотя Е Тао никогда не говорил этого, хотя он всегда казался равнодушным, словно ничто его не трогало, именно в этой отстраненности Чжоу Цзыцянь находил много снисхождения и заботы.

Из-за того, что Е Тао не хотел причинять ему трудностей, он остался, когда его отец тяжело заболел. Из-за желания дать ему шанс, он нарушил свои принципы и начал эти отношения, зная, что у них нет будущего. Из-за понимания его безысходности, он не держал зла в конце. Даже окончание отношений он не оставил ему, зная, что Чжоу Цзыцянь не сможет сказать этого.

Такова была любовь Е Тао — широкая и глубокая, без острых углов, которые могли бы ранить. Быть любимым таким человеком — какое это счастье для Чжоу Цзыцяня? Но как он ответил на эту любовь? Даже он сам не мог понять, что в нем такого, что Е Тао должен был помнить. Е Тао рано или поздно отпустит его, он станет лишь воспоминанием, возможно, даже менее значимым, чем Ли Минцзюэ.

Никто не знал, что этот снежный день поставил точку в сложных отношениях. Никто не знал, почему молодой господин, привыкший полагаться на других, переехал жить один. Никто не знал, почему Чжоу Цзыцянь, всегда так любивший своего племянника, не проводил его. Только Сяо Чэн, который заботился о Е Тао, заметил, что на его шее появилась маленькая, но заставляющая задуматься татуировка лотоса — последний подарок Е Тао Чжоу Цзыцяню.

Е Тао переехал в загородный дом под предлогом восстановления здоровья. Хотя внешне он оставался молодым господином семьи Чжоу, дом и слуги были предоставлены семьей, он и Чжоу Цзыцянь теперь избегали встреч и редко звонили друг другу.

Раньше такие близкие дядя и племянник внезапно стали чужими, что вызвало много сплетен. Некоторые считали, что Чжоу-старший отдал власть, и поэтому Чжоу Цзыцянь теперь не боялся избавиться от обузы, перестал играть роль любящего дядюшки и даже не утруждал себя визитами. Другие говорили, что это было решение Чжоу-старшего, который боялся, что Чжоу Юньси слишком привяжется к Чжоу Цзыцяню, останется ребенком, не способным защитить себя, и после смерти старика не сможет сохранить свое наследство, будучи обманутым Чжоу Цзыцянем. Все это были грязные домыслы, показывающие, насколько низко люди думали о семье Чжоу и ее членах.

Сам человек, о котором так говорили, с улыбкой вздохнул:

— Мой отец вложил столько усилий, а посторонние понимают его лучше, чем я, его сын.

— Ты притащил меня сюда не для того, чтобы я слушал твои саркастические речи, верно? — Ло Дун снял галстук, который явно не подходил к обстановке, и бросил его на стол. — Видишь? Откуда я приехал?

— С похорон?

— К черту! Я был на свадьбе, ты хоть немного уважай людей, — Ло Дун рассмеялся. — Кстати, сын старого Юй дружит с тобой, верно? Почему ты не появился на его помолвке?

— Я занят. Он заболел весной и до сих пор не поправился, я даже не звонил ему. Ты думаешь, я не занят? — Чжоу Цзыцянь играл с бокалом, его губы слегка приоткрывались, как у элегантного и расслабленного вампира.

— Я пришел сюда, чтобы поддержать тебя, а ты продолжаешь язвить? — Ло Дун действительно не любил его в таком настроении и перевел разговор на издевку. — Тебе плохо? Ты скучаешь по нему? Тогда иди и поговори с отцом, скажи ему правду. Ты готов на это? Если нет, то не притворяйся.

Обычно, когда Ло Дун так издевался, Чжоу Цзыцянь хотя бы внутренне злился, но теперь он с улыбкой согласился:

— Ты прав, я не готов, поэтому, как бы ни было тяжело, это пустое притворство. Но когда у тебя вырывают сердце, ты должен делать вид, что все в порядке, что у тебя даже нет сердца...

Он на мгновение замолчал, а затем улыбнулся еще шире.

— Ты хотел спросить, болит ли черное сердце? Я тоже думал, что нет, но оказалось, что черное сердце тоже сделано из плоти, и если его порезать, то пойдет кровь.

— Ты просто хочешь знать, как он поживает? Зачем все эти пустые слова? — Ло Дун, который уже давно спорил с ним, почувствовал, как по коже побежали мурашки. Это был не просто сарказм, это была настоящая мрачность, улыбка, более пугающая, чем бумажные фигуры на похоронах. Ло Дун сделал глоток вина, чтобы успокоиться, и продолжил. — У него все в порядке, только аллергия на смену сезона, немного воспалились бронхи, несколько дней была небольшая температура. Врач сказал, что ничего серьезного, пройдет после лечения.

Чжоу Цзыцянь наконец снял с лица пугающую улыбку и с видом снисхождения налил Ло Дуну вина. В его голосе слышалась легкая грусть:

— Я хотел спросить не об этом.

Кроме Сяо Чэна и врача, все вокруг были его людьми, и он знал все, что нужно. Он позвал Ло Дуна не для того, чтобы что-то выяснить, а просто чтобы поговорить о Е Тао, о чем угодно, что касалось его. Но только Ло Дун знал правду, все остальные думали, что он отпустил своего племянника, а не того, кого он любил.

Когда они покинули клуб, Чжоу Цзыцянь был немного пьян. Ло Дун, проявляя заботу и скрывая свои намерения, поручил молодому человеку провести его. Будет ли это до дома или до постели, Ло Дун не интересовало.

Чжоу Цзыцянь задремал в машине, но не полностью заснул, и когда машина остановилась, он сразу проснулся. Молодой человек, решивший, что ему повезло, услужливо открыл дверь, чтобы помочь Чжоу Цзыцяню выйти, но, не справившись с эмоциями, даже не успел

дотронуться до его одежды, как был остановлен холодным, но непрекаемым взглядом.

Чжоу Цзыцянь дал ему чаевые, и, видя, что тот все еще не двигается, слегка нахмурился.

Молодой человек внезапно очнулся и поспешно отошел от двери, наблюдая, как красивый «баран» уходит.

Чжоу Цзыцянь зашел в номер и лег спать, телефон безразлично бросив на тумбочку. Он не звонил всю ночь. С тех пор, как Е Тао уехал, он редко бывал дома, и даже Баобао, которого Е Тао оставил ему, он перевез в загородный дом рядом с работой. Даже если он не возвращался на ночь, никто не звонил, чтобы спросить: «Когда ты вернешься?»

Умоляю, модерация, пропустите, это не «мясо», даже не «мясной фарш», это нож в сердце.

После того как Е Тао переехал, старейшина Лю и Гэ Ци тоже покинули дом Чжоу. Официально говорилось, что старейшина Лю ушел на пенсию, а Гэ Ци, достигнув успехов в учебе, решил искать свою судьбу. На самом деле их заменил врач, присланный Чжоу-старшим.

Кроме помощи Е Тао в восстановлении здоровья, новый врач также был глазами и ушами Чжоу-старшего. Старик всю жизнь держал власть в своих руках, и ему было некомфортно оставаться в неведении. Если бы не это, старые слуги семьи Чжоу давно бы уже были заменены.

<http://bllate.org/book/17687/1650288>